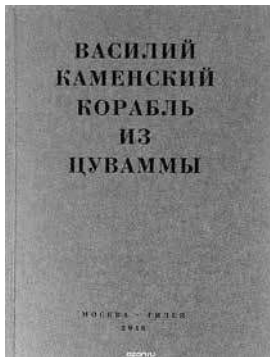

Василий Каменский. Корабль из Цуваммы: Незвестные стихотворения и поэмы. 1920–1924. — М.: Гиля, 2016

Василий Каменский: Поэт. Авиатор. Циркач. Гений Футуризма. Неопубликованные тексты. Факсимиле. Комментарии и исследования. — СПб: Издательство Европейского университета, 2017

К Василию Васильевичу Каменскому в Перми отношение особое. Это местная достопримечательность, один из брендов, который не стыд-

но предъявлять на широкой публике. И, в отличие от прочих подобных персонажей (Дягилев, Пастернак, Родченко, проч.), с Пермью связан

прочно, декларативно — и в разные периоды своей бурной жизни. Потому собираются на юбилейные чтения к дому в Каменке нынешние пожилые поэты-славянофилы, водружают загадочные приборы-поэтофоны в «местах силы» авангардисты средних лет, модные молодёжные стрит-артисты рисуют портрет поэта во всю стену многоэтажного дома.

Всем Каменский чем-то близок, многие считают его «своим». Даже противники футуризма любят его за языческие песнопения да акцен-

тированную русскость-народность. А уж про местных ревнителей приоритетов и говорить нечего — надо же! Свой! Родной! Пермский! Авангардист!

Дружба с великими поэтами-художниками-режиссёрами рассматривается как знак духовной да творческой близости, особого доверия тамошних гениев к нашёнскому. И вот конец 2016-го — самое начало 2017-го, этот недолгий период принёс сразу три книжных события, связанных с интересующим нас (и не только нас) именем. Все трактуют его по-своему, в разных системах координат. Все из разных городов: Москва, Пермь, Петроград.

Прикамские краеведы-энтузиасты во главе с Иваном Ёжиковым провели несколько мероприятий (вечеров, презентаций, чтений), где озвучили свой проект: выпустить из печати, переиздать спустя сто лет автобиографическую книжку Каменского «Его-Моя биография Великого Футуриста». Виртуальная книга уже готова, создан комитет по сбору средств на бумажный вариант, запущен краудфандинг в Сети. Почти неизбежного налёта доморощенности да убогости, присущего большинству начинаний совпосов (функционеров бывшего Союза советских писателей да их идейных наследников), тут не заметно. Издание оформлено однотипно с уже выпущенными, будет третьим после «Путь энтузиаста» и «Жизнь с Маяковским». Это

не репринты старых выпусков, а обновлённые версии, снабжённые предисловиями, послесловиями, афишами, рисунками, фотографиями. В меру. Главным недостатком старательно создаваемой серии, на мой взгляд, является её излишняя унифицированность. Лежащие рядом разные книжки из-за оформления кажутся экземплярами одной. А поставленные на полку — вообще не различаются по причине полной идентичности надписей на корешках. Когда я говорил об этом инициаторам, они удивлялись, так как не придавали негативного значения такой похожести, не замечали минусов. В их проекте Василь Василич из Каменки под Пермью показан как удалой добрый молодец-провинциал, которому легко покоряется столица.

Иной образ создаёт московская книжка «Корабль из Цуваммы: неизвестные стихотворения и поэмы. 1920–1924», подготовленная дотошным комментатором С. Казаковой. Очередной выпуск авангардно-маргинального издательства «Гилея» в серии Real Нулаеа, где компанию пермяку составляют немецкие дадаисты, кавказские заумники, французские сюрреалисты, румынские леттристы. Серия обяывает. У нашего героя акцентированы буйное словотворчество, звучные неологизмы, заумные диалоги, железобетонные поэмы, утопический пафос, опьянение ритмом, электрификация слова. Три

известных по публикациям стихотворения даются в более ранней (возможно), менее понятной (явно) редакции.

Цувамма возникает трижды как место действия разных текстов, два из которых впервые печатаются в данном томе. Это утопическая «страна солнцетканых поэтов», «остров рубинных расцветов», «страна Океанской Раздоли», которая легко вписывается в устойчивую традицию: Вообразилия Б. Заходера, Неверленд Д. Барри, Поэтоград Н. Глазкова, т. п. У самого Каменского немало подобных географических открытий: Апельсиния, Гдетотамия, Грустиния, Дальняя, Кудатотамия, Незнамия, Нетамия, Пальмия и прочая. Некоторые считают, что тут он перещеголял даже такого фантазёра, как барон Мюнхаузен. Но поскреби футуриста — найдёшь натуралиста. А то и символиста самого дешёвого пошиба. Стоит осыпаться пёстрым перьям заумных словечек (которые на поверку оказываются лишь звуковой имитацией чаще всего восточной речи), как:

*«Принимаем ванны,
Работаем, кушаем вкусно
У нашей Марины Ивановны».*

Или:

*«Сиянием простой улыбки
Она ответит.
Волнуюсь втайне:
Как будто ни одной ошибки
Никогда на свете
Не сделал я в скитаниях».*

И даже такие двусмысленные откровения в устах прикамского мачо:

*«Все мы, как женщины,
Ищем
Здорового-сильного мужа».*

*«Сияя, наша звонкая
лестница!
Голубейся в любви.
У нас нет берегов».*

Цитаты приводятся из разных текстов этой реально-гилейской подборки. Об уровне поэзии судите сами. Самое яркое, что остаётся после прочтения, — мелькающие хвостиками баралайзы среди Океании.

Книга «Василий Каменский: Поэт. Авиатор. Циркач. Гений футуризма. Неопубликованные тексты. Факсимиле. Комментарии и исследования» представляет нам ещё одного Каменского. Точнее, сразу нескольких (в разных ипостасях). Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге данным томом пополнило свою серию «Авант-гард», где факсимильно републикуются книжные раритеты авангарда начала XX века с подробнейшими комментариями да иллюстрациями: В. Маяковский, Б. Пастернак, И. Терентьев, В. Хлебников и прочие в том же направлении.

На первый взгляд, том Каменского просто логично продолжает обозначенный ряд, ибо легко вписывается в компанию. Два типографских раритета прилагаются.

Но при детальном осмотре выявляется принципиальное отличие — в широте охвата.

Перед нами отнюдь не книжка про поэта (хотя бы даже и очень разностороннего). Забраккованный режиссёром Мейерхольдом в качестве актёра Васильковского на сцене, наш герой срочно дружится с другим тогдашним режиссёром-новатором — Николаем Евреиновым, проповедником теории театра для себя, «театра жизни». С тех пор появляется знаменитый «Актёр Жизни Вася Каменский».

«Вошедшие в книгу исследования впервые показывают Каменского во всем размахе его жизнетворческого темперамента: Каменский как пионер авиации, как первооткрыватель новых форм в поэзии, как циркач, как (само)рекламист, как дизайнер и типограф, как мастер перформанса, как поэт-орденоносец. В издание включено более 300 иллюстраций; впервые собраны три десятка листовок и афиш Каменского, в том числе наполненные взрывной типографикой. Впервые публикуется масштабная иконография поэта — более 40 его портретов», — говорится в издательской аннотации.

Под чутким руководством куратора А. Россомахина коллектив знающих своё дело энтузиастов показывает нам истинного Каменского: во всё воплощённое ничто. У обаятельного жизнелюба Васи, который был всеоб-

щим другом, которого любили люди всех темпераментов (пристрастий и возрастов), судя по всему, был только один талант — витальность. Любовь к жизни во всех её проявлениях приводила его в друзья к самым разным людям, обществам, кругам, слоям (далее — по необходимости). Его реально ничего не разделяло ни с пережившими своё морализаторами-передвижниками, ни с цинично-грубыми актёрами-провинциалами, ни с передовыми парижскими Дада, ни с истощенными расейскими «скифами». Он был своим в любой компании (куда, естественно, пускали). Он подходил, подлаживался, подстраивался. Был то «эстетнее» самого Северянина, то «заумнее» Кручёных (в стихах), то «лиричнее» Е. Бём (это не ругательство, а художница такая!), то «передовее» Маринетти (в рисовании), то «историчнее» Ромашкова (режиссёр «Пониновой вольницы»), то «индустриальнее» Эйзенштейна (в кино). И так далее. Его ничего не разединяло ни с кем. И ни с чем. Но ничего и не объединяло (на самом деле). Всюду он оставался Васей. И когда экстазно призывал в как бы авангардной книжке компании тифлисских задир:

*«Золотозсыпью —
Мировенчалностью —
Наполняя сердца
утрозарным вином,
Горите звучально
Венчально
встречальностью»*

*Гимн распевая
О царстве Ином», —*

от таких душистых букетов не отказался бы и Бальмонт. И когда выдавал монолог Нового Человека в аэроплане:

*«Ты, сердце, бейся,
 Душа, молись...
Летите, крылья,
Несите, крылья,
В святую высь».*

Вполне себе надсонообразное третичное декадентство застойной эпохи. В том же духе (а то и под Ахматову):

*Я прилечу бирюзовым
Венчанием.
Ветром в долину любви.*

Порой как зарычит сей бюджетянин разудало-лихо с эстрады:

*«Девушки босиком —
Деревенские за водой
 с расписными
Вёдрами-коромыслами
На берегу Волги
(А мимо идёт пароход)».*

Не очень понятно, почему при том эпатировался уже достаточно искушённый зритель в 1917 (!) году данной нафталиновой неритмованной-нерифмованной некрасовщиной. Хотя больше подходило к тому бряканье Васи на гармошке в частушечной манере. Для понимания нелепости претензий автора на авангардизм достаточно сравнить, например, действительно новаторские вещи его друзей («Уструг Разина» Велимира Хлебникова, «Пугачёв» Сергея Есенина и т. п.) с многочисленными каменскими поделками во всех возможных жанрах на разинско-болотниковско-пугачёвские темы, где вся новизна сводится к пыхтению с посвистом да грозно сдвинутыми набекрень бровями: «УХ! ЭХ! ЭГЕ-ГЕЙ!» При том присутствующий друг-йог, он же футурист жизни Владимир Гольцшмидт, не мудрствуя лукаво, ломал о голову доски. Что, на мой взгляд, намного выразительней. Конечно, можно объявить Васю и ве-

ликим Пророком Явления Чупа-Чупса, например. Исходя из таких поразительных провидческих строк:

*«Ука
Упс
Чука
Чупс».*

Тем не менее описанные нами книжки читать и рассматривать весьма интересно. Особенно собранные и проанализированные питерским коллективом афиши, листовки, мемуары, которые дают представление о масштабе великого саморекламиста («Его-Моя»). О степени его погруженности в ту жизнь, которую он, самозванная Мама (!) Футуризма (в пару к Папе Бурлюку), так любил. О людях, идеях, событиях вокруг. И это самое интересное в книжке про неинтересного человека и автора. Аромат эпохи, динамика футуристического движения, артефакты и просто факты. Можно начинать погружение.

Сергей Сигерсон